

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.10>

UDC 341:502.14

LBC 67.911.20

Submitted: 23.02.2025

Accepted: 04.07.2025

THE WORLD HERITAGE LIST AS AN ENVIRONMENTAL PROTECTION TOOL ¹

Roman Yu. Kolobov

A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the World Heritage Convention is the most important instrument for the protection of unique human and natural creations. The article structures the World Heritage protection system and identifies functional subsystems of a normative and institutional nature. The most well-known means of implementing such protection is the inclusion of objects in the World Heritage List, which is decided by the World Heritage Committee. Despite the central role of this list, its legal nature and the international legal consequences of including heritage sites in it have not been studied in Russian jurisprudence. The **purpose** of the study is to determine the legal nature of the World Heritage List and the legal consequences of listing objects in it, both in accordance with the provisions of the international legal instruments and the established practice of their application. The research uses the **methods** of the formal legal analysis of the text of the Convention and the Guidelines for its implementation, on the basis of which a conclusion is drawn about the general formal equalization of the protection regime for the heritage included in the analyzed list and identified by states independently. The exceptions in which, according to the text of the Convention, there is a differentiation in the treatment of heritage inscribed and not inscribed on the World Heritage List concern only matters of international assistance. **Results:** the main formal and legal consequences of adding sites to the World Heritage List are related to the possibility of providing international assistance to states. The inevitability of using the means of soft international law in establishing prohibitions on mining activities and the construction of dams with large reservoirs within the boundaries of the World Natural Heritage sites included in the World Heritage List is stated. The important role of defining the boundaries of the World Heritage sites using international legal procedures and the formulation of an outstanding universal value for the protection of the World Natural Heritage is revealed. The practice of protecting World Heritage sites located in Russia and abroad is analyzed. **Conclusions:** at the current stage of the development of the international regulatory system, the consequences of including objects in the World Heritage List arise in the segment of soft international law, which determines the need for a responsible attitude of states to comply with environmental restrictions of this kind. The improvement of domestic regimes for the protection of World Heritage must take into account not only the provisions of the text of the Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage but also the established practice of its application.

Key words: preliminary lists, UNESCO, specially protected natural areas, World Heritage Committee, International Union for Conservation of Nature.

Citation. Kolobov R.Yu. The World Heritage List as an Environmental Protection Tool. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 73-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.10>

СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ
КАК ПРИРОДООХРАННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ¹

Роман Юрьевич Колобов

Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского
Сибирского отделения РАН», г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: констатируется важная роль Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия в системе международных договоров природоохранной направленности. Проводится структурирование системы охраны всемирного наследия с выделением функциональных подсистем нормативного и институционального характера. Подчеркивается важная роль Списка всемирного наследия как природоохранного инструмента, обеспечивающего сохранение уникальных природных объектов общемировой значимости. Выявляется проблема недостаточности юридических исследований, посвященных роли Списка всемирного наследия в охране природы. **Целью** исследования является выявление правовой природы Списка всемирного наследия и определение юридических последствий включения в него объектов всемирного природного наследия. **Методы:** осуществляется формально-юридический анализ текста Конвенции и Руководства по ее выполнению, на основе которого формулируется вывод об общем формальном уравнивании режима охраны наследия, внесенного в анализируемый список и выявленного государствами самостоятельно. Исключения, в которых, согласно тексту Конвенции, наблюдается дифференциация режима наследия, внесенного и не внесенного в Список всемирного наследия, затрагивают только вопросы оказания международной помощи. **Результаты:** показываются юридические последствия, связанные с внесением объектов в Список всемирного наследия, не предусмотренные в Конвенции, но выработанные международной практикой охраны уникальных природных комплексов. Выявляется важная роль определения границ объектов всемирного наследия с использованием международно-правовых процедур и подготовкой формулировки выдающейся универсальной ценности для охраны природного наследия мировой значимости. Анализируется практика охраны объектов всемирного наследия, расположенных в России и за рубежом. Констатируется неизбежность использования средств «мягкого» международного права при установлении запретов на осуществление деятельности по добыче полезных ископаемых в границах ОВПН и строительству плотин с большими резервуарами. Формулируется **вывод** о необходимости ответственного отношения государств к правилам охраны природы, возникающим в секторе «мягкого» международного права. Совершенствование внутригосударственных режимов охраны всемирного наследия должно учитывать не только положения текста Конвенции по охране всемирного культурного и природного наследия, но и сложившуюся практику ее применения.

Ключевые слова: предварительные списки, ЮНЕСКО, особо охраняемые природные территории, Комитет всемирного наследия, Международный союз охраны природы.

Цитирование. Колобов Р. Ю. Список всемирного наследия как природоохранный инструмент // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 73–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.10>

Введение

Вторая половина двадцатого века ознаменовалась кардинальными изменениями в международной нормативной системе, одним из которых стало формирование источников международного права окружающей среды ². Особое место среди них занимает Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. ³ (далее – Конвенция). В ней впервые была предпринята попытка объединить режимы охраны уникаль-

ных творений человека и природы, которые составили соответствующие подсистемы охраны всемирного наследия. На момент проведения настоящего исследования в Конвенции участвует 196 государств ⁴, в связи с чем она является одним из наиболее представительных международных договоров универсального характера.

Функциональное деление системы охраны всемирного наследия представлено тремя частями. Нормативную часть составляют источники международной нормативной сис-

темы различной юридической природы, а ее ядро – Конвенция и Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (далее – Руководство)⁵. Институциональная часть объединяет различные органы, наделенные компетенцией по охране всемирного наследия, прежде всего – Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия (далее – Комитет) и его консультативный орган в отношении природного наследия – Международный союз охраны природы (далее – МСОП). Третья, инструментальная часть образована специальными механизмами охраны всемирного наследия, к их числу в первую очередь относится Список всемирного наследия⁶ (далее также – Список). Анализ отечественной юридической литературы не позволил обнаружить работы, в которых он выступал бы самостоятельным предметом исследования. Настоящая статья посвящена восполнению дефицита внимания юридической науки к Списку как международно-правовому *природоохранному* инструменту.

За годы, прошедшие с момента принятия Конвенции, Список фактически стал отождествляться с самой системой охраны всемирного наследия, а вопросы включения и исключения из него объектов культурного и природного наследия воспринимаются как основные события сессий Комитета⁷. Такое значение Списка обуславливает необходимость анализа истинной юридической природы этого явления с позиций текста Конвенции⁸, сложившейся международно-правовой практики ее применения и возможных направлений совершенствования системы охраны всемирного наследия.

Список всемирного наследия: нормативный аспект

Анализ материалов, отражающих историю разработки Конвенции, показывает, что подход к составлению *перечня* охраняемых объектов фигурировал в самых ранних проектах этого международного договора. Джозеф Фишер, описывая свою идею создания «Траста всемирного наследия» на девятой сессии Генеральной ассамблеи МСОП⁹, прошедшей в 1966 г., называл первым шагом к ее практической реализа-

ции создание *списка* мест, которые могут быть предметом международного внимания¹⁰. С принятием Конвенции прием включения в Список получил закрепление на уровне источника международного права. Ее одиннадцатая статья закрепляет компетенцию Комитета по формированию Списка всемирного наследия из объектов, обладающих, по его мнению, выдающейся универсальной ценностью на основе перечней, предоставляемых государствами.

Исходя из буквального толкования Конвенции, обязательства государств по выявлению, охране, сохранению, популяризации и передаче будущим поколениям культурного и природного наследия распространяются на такое наследие вне зависимости от его внесения в Список. Основные обязательства стран-участниц Конвенции расположены в ее второй главе «Национальная охрана и международная охрана культурного и природного наследия», а положения о Списке – в главе третьей «Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия». Все положения второй главы Конвенции оперируют общим понятием наследия, определенным в ст. 1 и 2 Конвенции, вне зависимости от внесения такого наследия в Список. Выявление такого наследия, согласно ст. 3 Конвенции, является обязанностью государств, участвующих в ней. Международно-правовой формой, в которую облакаются выявленные объекты, являются предварительные списки государств. В соответствии с п. 63 Руководства не допускается номинация объекта, который не был включен в предварительный список объектов данного государства. Такое правило было обусловлено необходимостью как планирования работы Центра, консультативных органов и Комитета, так и обеспечения репрезентативности Списка всемирного наследия, в котором достаточно давно выявились диспропорции в пользу представленности объектов культурного наследия, причем в его европейском понимании как монументальной культуры [5, р. 370].

Текст Конвенции приписывает лишь отдельные правовые последствия включения объектов в Список, сводящиеся к предоставлению международной помощи. Статья 20 Конвенции закрепляет, что такая помощь может быть предоставлена только для ценнос-

тей культурного и природного наследия, которые Комитет решил или решает¹¹ включить в Список или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. То же положение закрепляет три исключения¹², в которых такая помощь все же может быть предоставлена. Первое предусматривает ситуацию, в которой целью запрашиваемой помощи является выявление объектов наследия, указанных в ст. 1 и 2 Конвенции, в случаях, когда предварительные исследования показали, что это будет оправдано (п. 2 ст. 13)¹³. Второе закрепляет предоставление помощи в целях подготовки специалистов в области выявления, охраны, сохранения, восстановления и популяризации наследия (п. (с) ст. 22). Третье предполагает предоставление помощи национальным и региональным центрам подготовки специалистов в указанных областях (ст. 23). Все приведенные исключения укладываются в общую логику системы охраны всемирного наследия. Выявление объектов наследия возможно только до их включения в Список, поэтому и оказание международной помощи для этих целей представляется логичным и верным. В отношении двух последних исключений объектами такой помощи являются не собственно объекты всемирного наследия, а соответствующие центры всемирного наследия.

Достаточно лаконичная по объему ст. 12 Конвенции закрепляет важное положение, согласно которому факт невключения объекта в Список или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, не означает отсутствия выдающейся универсальной ценности для иных целей, кроме тех, которые являются следствием включения в эти списки. Логическое толкование этого положения позволяет переформулировать его так: включение в два указанных списка означает признание выдающейся универсальной ценности для целей, оговоренных в Конвенции как следствия включения в эти списки.

Целью ст. 12 Конвенции является распространение международного режима охраны наследия на максимально широкий круг объектов, представляющих важность для цивилизации. В 1972 г. было принято два документа: Конвенция и Рекомендация об охране культурного и природного наследия в национальном плане¹⁴. В совокупности эти доку-

менты должны были создать систему международной помощи преимущественно для объектов, внесенных Комитетом в Список; закрепить систему *общих* международно-правовых обязательств по охране любого наследия, потенциально подпадающего под определения, содержащиеся в ст. 1 и 2 Конвенции; создать ориентиры для национально-правовой охраны наследия посредством внедрения указанной рекомендации.

Такой подход имеет сильные и слабые стороны. В ситуации 1972 г. он позволил распространить международно-правовые обязанности, проистекающие из источника классического, «строгого» международного права, на отношения по сохранению уникальных творений человека и природы. Признание необходимости охраны наследия, не включенного в Список, позволяет распространить на вышеуказанные обязанности положения ст. 6 Конвенции, закрепляющие для международного сообщества обязанность сотрудничать. В практической плоскости особенно актуальным может быть обращение к п. 3 ст. 6 Конвенции. Распространение положений этой статьи на наследие, определенное государствами в одностороннем порядке путем включения в предварительные списки, доступные для ознакомления другим государствам, придает характер международного правонарушения преднамеренным действиям государства, причиняющим прямой или косвенный ущерб такому наследию¹⁵.

Еще одним возможным позитивным эффектом действия описываемого подхода является отмечаемая в науке возможность обеспечения дополнительного охранительного эффекта на наследие, находящееся за пределами формально определенных границ объекта всемирного наследия [13, р. 194]. Включение объекта в Список сопровождается определением границ в соответствии с международной процедурой. В случае если охраняется любое наследие, независимо от его внесения в Список, то охране действительно подлежат даже те территории, которые формально не вошли в состав границ объекта, однако обладают выдающейся универсальной ценностью. Признавая формально-юридическую верность такого подхода, приходится признать, что сплошной анализ решений Комитета, принятых начиная с 1977 г.¹⁶, не по-

зволит выявить такого контекста применения ст. 12 Конвенции. Представляется, что подобного рода задачи могут решаться при помощи понятий «буферной зоны объекта всемирного наследия» и «более широкого окружения объекта», используемых в Руководстве¹⁷.

В то же время нельзя не согласиться с Ф. Ленцерини, отмечающим, что обязательства по Конвенции выражены в чрезвычайно слабой модальности [13, р. 192]. В статье пятой, закрепляющей основной состав обязательств государств в отношении обеспечения национальной охраны, реализация этих мероприятий предполагается *по возможности*, в форме *стремления* в условиях, свойственных каждой стране. Вместе с тем позиция профессора Ленцерини о том, что положения анализируемой главы Конвенции не содержат международных обязательств, в строгом смысле этого слова спорна [13, р. 192]. В цитируемой работе он указывает, что в тексте ст. 4 употребляется термин *duty*, а не *obligation*. Грамматические и формально-юридические способы толкования текстов международной природы должны учитывать, что последние составляются на разных языках. Статья 30 Конвенции закрепляет, что все пять языков, на которых она составлена, обладают равной силой. В русском тексте ст. 4 используется термин обязательство, а во французском – *obligation*.

Право является *формальной* системой, которая всегда стремится к *формальной* определенности. В условиях, когда государства самостоятельно формируют перечни объектов, отвечающих критериям выдающейся универсальной ценности, в отсутствие какого-либо контроля со стороны международных институтов, неудивительно, что стремление к такой определенности взяло верх в развитии системы охраны всемирного наследия, которая практически полностью устранилась от влияния на отношения по сохранению уникальных объектов, не включенных в Список. Единичные примеры, в которых Комитет обращал внимание на состояние сохранности наследия, не включенного в Список, связаны только с самыми серьезными случаями варварского отношения к уникальным объектам мировой значимости. К ним относится, к примеру, уничтожение Бамианских статуй Будды в Афганистане [4].

Очень показательным проявлением рассматриваемой тенденции представляются правила Руководства об использовании эмблемы всемирного наследия, в которых, на наш взгляд, обнаруживает себя описываемая противоречивость исходного текста Конвенции и практики ее применения.

Конвенция не содержит указания на возможность использования эмблемы охраны всемирного наследия, однако она стала одним из способов «брендинга», обеспечивающих выполнение требований Конвенции в части популяризации наследия¹⁸. Если принимать во внимание изначальную идею о наличии выдающейся универсальной ценности у объектов независимо от их включения в Список, то использование такой эмблемы должно разрешаться для всех объектов, которые выявлены государствами самостоятельно в соответствии с положениями ст. 3 и п. 1 ст. 11 Конвенции. Казалось бы, в том же ключе и говорится в п. 258 Руководства, открывающем раздел о правилах использования эмблемы. В нем указывается, что она символизирует *Конвенцию*, приверженность стран-участниц *Конвенции*, но при этом обозначает объекты, включенные в *Список* всемирного наследия. В том же разделе содержатся и правила об использовании табличек с обозначением всемирного наследия. Пункт 269 Руководства закрепляет, что такая табличка устанавливается на объектах, внесенных в Список, для целей информирования о Конвенции, концепции всемирного наследия и Списке. Характерно, что правило об использовании эмблемы для маркировки только объектов, включенных в Список, появляется в подп. в п. 5 самой первой редакции Руководства, принятой в 1977 г. (когда сама эмблема еще не была утверждена).

Юридические последствия включения объекта в Список всемирного наследия

Рассмотренные правила о возможности использования эмблемы всемирного наследия только для той его части, которая внесена в Список, представляют собой яркое, но вовсе не единственное последствие внесения объекта в Список, появившееся вне текста Конвенции.

Начиная с 2007 г. включение объекта в Список сопровождается формализацией его уникальных свойств в виде формулировки выдающейся универсальной ценности. В ней получают описание три составляющие такой ценности: соответствие ее критериям, установленным Руководством, и качеству целостности, а также обладание системой охраны и управления объектом¹⁹. Закрепленные в такой формулировке так называемые атрибуты выдающейся универсальной ценности являются носителями (выразителями) уникальных свойств и качеств, на которые распространяется международно-правовая охрана. Предъявляемое Комитетом требование о проведении оценки воздействия планируемой на объектах всемирного наследия экономической деятельности имеет в своей основе анализ влияния именно на эти охраняемые атрибуты, закрепленные в формулировке выдающейся универсальной ценности. Методика такого анализа подробно описана в специальном Руководстве по оценке воздействия на объекты всемирного наследия²⁰, применение которого поддержано Комитетом. Для тех объектов, которые были включены в Список до 2007 г., разрабатывается так называемая ретроспективная формулировка выдающейся универсальной ценности²¹. Без принятия и подготовки такой формулировки невозможно выполнение требований системы охраны всемирного наследия об обеспечении эффективной системы управления и осуществлении оценки воздействия планируемой деятельности. Такую позицию, в частности, высказали эксперты Центра и МСОП, посетившие озеро Байкал в составе совместной мониторинговой миссии в 2023 году²².

Как указывалось ранее в настоящей статье, внесение объектов в Список предполагает определение границ самого объекта и его буферной зоны (при наличии), в рамках которых действует международно-правовой режим охраны всемирного наследия. Разумеется, положения Конвенции носят несамоисполнимый характер и в любом случае требуют поиска и определения национальной формы выражения режима охраны всемирного природного наследия. Такой формой, как известно, являются особо охраняемые природные территории²³. Если государство изменяет гра-

ницы последних, «оголяя» национально-правовую охрану объекта всемирного наследия (в границах, утвержденных Комитетом), то это обстоятельство является нарушением ст. 4 и 5 Конвенции в части обеспечения правовой охраны уникального природного объекта. Комитет незамедлительно реагирует на такие случаи. Такая ситуация складывалась в отношении российских ОВПН «Девственные леса Коми»²⁴ и «Вулканы Камчатки»²⁵. В обоих случаях режим охраны всемирного наследия помогал восстанавливать и обеспечивать национально-правовую охрану уникальных природных объектов. Подобная формализация границ объектов всемирного природного наследия возможна только в случае внесения объекта в Список.

При этом нельзя не отметить, что в разные годы ситуация с территориальной определенностью объектов всемирного природного наследия складывалась по-разному. В ранние годы существования Списка требования к картографическому материалу были не столь строгими, в результате чего некоторые объекты были внесены в него с неясными границами. К числу многочисленных зарубежных примеров такого рода можно отнести карту, представленную в 1984 г. при внесении в Список объекта «Национальный парк Ройал-Читаван» (Непал)²⁶. Известны случаи, в которых политический характер принятия решений Комитетом обуславливал включение объекта в Список без определения его границ на местности. Показательный пример такого рода ситуаций приводит М. Рёсслер, занимавшая пост директора Центра. По ее словам, в 2017 г. Комитет включил объект в Список, одновременно попросив государство, на территории которого он расположен, представить его карту в срок до 1 декабря. Если бы на следующий день на объекте произошло стихийное бедствие, то Центр даже не знал бы, где он расположен [10, р. 37]²⁷. Такое положение вещей закономерно, поскольку международная нормативная система и ее составляющие достаточно инертны и требуют времени для совершенствования. В настоящее время в системе охраны всемирного наследия действует программа ретроспективного уточнения границ объектов всемирного наследия, а также формируется собственная ГИС-

система, отражающая границы объектов всемирного наследия, *внесенных в Список*²⁸.

Еще одним важнейшим элементом режима охраны всемирного природного наследия, применимого только к объектам, включенным в Список, являются два запрета на осуществление отдельных видов экономической деятельности, выработанных за годы существования системы охраны всемирного наследия в сегменте «мягкого» международного права.

Первый из них – запрет на добычу полезных ископаемых в границах объектов всемирного наследия. Он сформировался из заявления Совета по горному делу и металлам 2003 г. [2], а последующая поддержка Комитетом превратила его в сильнейший инструмент влияния на сохранение объектов, обладающих выдающейся универсальной ценностью.

Второй – это запрет на строительство плотин с большими резервуарами в границах объектов всемирного наследия. Этот подход был концентрированно выражен в так называемой Декларации Сан-Хосе об устойчивой гидроэнергетике, закрепляющей добровольно принятое обязательство лидеров индустрии воздерживаться от подобного строительства в границах объектов всемирного наследия²⁹.

Принадлежность указанных запретов к сфере «мягкого» международного права предопределяет и особенности их реализации. Разумеется, что на практике охраны объектов всемирного природного наследия известны случаи их нарушения. К ним относится, например, строительство гидроэлектростанции в границах охотничьего резервата «Селус» (Танзания), воспрепятствовать которому не смогли структуры охраны всемирного наследия³⁰. Развитие проектов добывающей промышленности и упразднение национальной особо охраняемой территории в Омане привели к исключению из Списка резервата аравийской антилопы в 2007 году³¹.

Оценка действенности таких ограничений должна происходить с учетом особенностей формирования и функционирования положений международной нормативной системы, существующих в сегменте «мягкого» права. Эффективность их регулирующего воздействия зависит прежде всего от длительного единообразного поведения государств, добро-

вольно осознающих необходимость поддерживать сформировавшиеся стандарты.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что эволюция Списка всемирного наследия привела к расширению последствий внесения в него объектов. Значительная их часть выработана в сегменте «мягкого» международного права, что, с одной стороны, предполагает отсутствие юридической ответственности государств за нарушение соответствующих правил, а с другой – обеспечивает формирование природоохранных стандартов в тех сферах охраны природы, в которых еще не сложились условия для принятия международных договоров. Ответственное отношение государств к соблюдению таких стандартов способно привести к появлению инструментов «строного» международного права в будущем.

Совершенствование национального законодательства по вопросам охраны объектов всемирного природного наследия должно принимать во внимание как положения текста Конвенции, так и сложившуюся практику их толкования, сфокусировавшуюся на состоянии объектов всемирного наследия, внесенных в Список, а в некоторых единичных случаях – в предварительные списки государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания РАН № 125013001144-6.

The study was carried out within the framework of the RAS state assignment No. 125013001144-6.

² Число международных договоров природоохранного характера на настоящий момент превысило 3 000. См.: [9, p. 103].

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : (заключена в г. Париже 16.11.1972) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 496–506.

⁴ States Parties. URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/>

⁵ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC.24/01. July 31, 2024. URL: <https://whc.unesco.org/document/203803>

⁶ К другим элементам этой системы относится Фонд всемирного наследия, планы управле-

ния объектами всемирного наследия, оценка воздействия на наследие и др.

⁷ По меткому выражению Л. Мескелл, события сессии представляют собой «гонку за включением». См.: [8].

⁸ Помимо Списка и Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, ее текст предусматривает формирование перечней ценностей культурного и природного наследия, расположенных на территории соответствующего государства, которые могут быть включены в Список (п. 1 ст. 11), и списка ценностей, для которых выделяется международная помощь (п. 5 ст. 13).

⁹ На тот момент организация именовалась как Международный союз охраны природы и природных ресурсов.

¹⁰ Ninth General Assembly. Lucerne, Switzerland. 25 June – 2 July 1966. Proceedings. Supplementary Papers № 8. Morges, 1967. P. 73. Идея составления списка охраняемых природных территорий международного значения прослеживается как минимум с 1958 г., когда МСОП призвал ООН сформировать такого рода перечень. См.: [12, p. 280].

¹¹ В английском варианте текста Конвенции используется выражение «has decided, or may decide», во французском – «a décidé ou décide». Русский вариант текста по смыслу, судя по всему, ближе к французскому. Глаголы «решает» и «décide» в соответствии с обычным значением этих слов могут толковаться как предполагающие, что процесс принятия решения о включении объекта в Список запущен. В английском тексте такой смысл передавался бы формами «is deciding, decides».

¹² В русских вариантах текста Конвенции, представленных на сайте Центра и ООН, статья 20 изложена так: «Международная помощь в соответствии с настоящей Конвенцией может предоставляться лишь для ценностей культурного и природного наследия, которые Комитет всемирного наследия решил или решает включить в один из списков, упомянутых в пунктах 2 и 4 статьи 11, согласно пункту 2 статьи 13, пункту с статьи 22 и статьи 23». Однако указанные три пункта устанавливают изъятия из общего правила, а не порядок включения в Список. Во французском тексте Конвенции это положение излагается при помощи оборота «sous réserve» (des dispositions du paragraphe 2 de l'article 13, de l'alinéa (c) de l'article 22, et de l'article 23). В английском «subject to the provisions» (of paragraph 2 of Article 13, sub-paragraph (c) of Article 22 and Article 23).

¹³ В вариантах Конвенции на русском языке, представленных на сайте Центра и ООН, п. 2 ст. 13 содержит очевидную техническую ошибку, поскольку дублирует часть ст. 11 Конвенции. Ср. варианты текста на разных языках. «На основе перечней, представляемых государствами в соответствии

с пунктом 1, Комитет составляет, обновляет и публикует под названием "Список всемирного наследия" список ценностей культурного и природного наследия, определенного в статьях 1 и 2, в том случае, когда предварительные исследования показали, что это будет оправданно» (рус.). «Requests for international assistance under paragraph 1 of this article may also be concerned with identification of cultural or natural property defined in Articles 1 and 2, when preliminary investigations have shown that further inquiries would be justified» (англ.). «Les demandes d'assistance internationale en application du paragraphe 1 du présent article peuvent aussi avoir pour objet l'identification de biens du patrimoine culturel et naturel défini aux articles 1 et 2, lorsque des recherches préliminaires ont permis d'établir que ces dernières méritaient d'être poursuivies» (фр.).

¹⁴ Рекомендация об охране культурного и природного наследия в национальном плане. Records of the General Conference, 17th session, Paris, 17 October to 21 November 1972, vol. 1: Resolutions, recommendations (rus.). URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114044_rus.page=156

¹⁵ Необходимость охраны объектов всемирного природного наследия от деятельности, осуществляемой в других государствах, возникает прежде всего в связи со строительством плотин. Такая ситуация сложилась, к примеру, на ОВПН «Национальные парки на озере Туркана». См.: [3]. Однако этот объект является внесенным в Список. Примеров применения указанного подхода для охраны природного наследия, еще не внесенного в Список, нам выявить не удалось.

¹⁶ В этом году состоялась первая сессия Комитета, посвященная решению организационных вопросов. См.: [11, p. 6].

¹⁷ Понятие буферной зоны объекта всемирного наследия не закреплено в Конвенции, однако используется в Руководстве с 1977 г. вплоть до сегодняшнего дня. Такие зоны носят факультативный характер, но в случае их создания сведения об их границах также вносятся в Список. Понятие «более широкое окружение» (англ. «a wider setting», фр. «le cadre plus large») отражает необходимость учета экосистемных связей объекта всемирного наследия и территорий, расположенных за пределами границ такого ОВПН и его буферной зоны. Руководство предписывает распространять на такие территории действие систем планирования управления ОВПН (п. 112), учитывать их при проведении оценки воздействия планируемой экономической деятельности в границах ОВПН или вблизи него (п. 118 бис), включать более широкое окружение объекта в предмет проводимых научных исследований (п. 215), а также описывать его состав при подаче материалов номинаций для включения объектов в

Список и конкретизировать юридический режим охраны таких территорий (п. 2с, 7а Приложения 3 к Руководству).

¹⁸ Реальная узнаваемость эмблемы, утвержденной в 1978 г., разумеется, разнится в разных странах и во многом зависит от усилий управляющих отдельными объектами всемирного наследия. К примеру, как показало исследование на пяти ОВПН в Австралии, только восемь процентов посетителей этих объектов узнали эмблему всемирного наследия. В национальном парке «Гавайские вулканы» (США) этот показатель составил пять процентов. См.: [6, р. 777–778]. Схожая ситуация складывается и в странах Юго-Восточной Азии. См.: [7, р. 66].

¹⁹ Эти три элемента выступают равноценными элементами выдающейся универсальной ценности. См.: [1].

²⁰ Guidance and Toolkit for Impact Assessment in a World Heritage Context. Resource Manual. URL: <https://whc.unesco.org/document/195279>

²¹ Для ее разработки консультативными органами также подготовлено отдельное методическое руководство. См.: Guidance on the Preparation of Retrospective Statements of Outstanding Universal Value. URL: <https://www.iucn.org/sites/default/files/import/downloads/whouven.pdf>

²² Report on the Joint UNESCO World Heritage Centre / IUCN Reactive Monitoring Mission to Lake Baikal World Heritage Property, Russian Federation from 12 to 16 December 2023. URL: <https://whc.unesco.org/document/207572>

²³ Причем как de jure, так и de facto центральная экологическая зона Байкальской природной территории содержательно является особо охраняемой природной территорией, несмотря на то что закон не признает ее таковой.

²⁴ См.: Decision 35 COM 7B.25 Virgin Komi Forests (Russian Federation) (N 719). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/4433>

²⁵ Decision 45 COM 7B.26 Volcanoes of Kamchatka (Russian Federation) (N 765 bis). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/8300>

²⁶ Chitwan National Park. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/284/>

²⁷ Судя по всему, речь идет об объекте «Храмовая зона в Самбор Прей Кук», археологический памятник древней Ишанапуры (Камбоджа). См.: Decision 41 COM 8B.15 Temple Zone of Sambor Prei Kuk, Archaeological Site of Ancient Ishanapura (Cambodia). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/6887>

²⁸ World Heritage Online Map Platform. URL: <https://experience.arcgis.com/experience/aeae427b3c5045a6a4c72a93ab1d1280>

²⁹ Декларация Сан-Хосе об устойчивой гидроэнергетике. URL: <https://www.hydropower.org/>

[publications/deklaraciya-san-hose-ob-ustoychivoy-gidroenergetike](https://www.hydropower.org/publications/deklaraciya-san-hose-ob-ustoychivoy-gidroenergetike)

³⁰ Равным образом МСОП и Центр не смогли убедить Комитет в необходимости исключить этот объект из Списка по причине нарушения целостности объекта, являющейся, как было сказано, одной из составляющих выдающейся универсальной ценности. См.: Decision 44 COM 7A.51 Selous Game Reserve (United Republic of Tanzania) (N 199 bis). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/7713>

³¹ Decision 31 COM 7B.11 State of Conservation of World Heritage Properties – Arabian Oryx Sanctuary. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1392>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колобов, Р. Ю. Выдающаяся универсальная ценность объектов всемирного природного наследия: проблемы определения / Р. Ю. Колобов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 4. – С. 149–162. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.161.4.149-162
2. Affolder, N. A. The Private Life of Environmental Treaties / N. A. Affolder // The American Journal of International Law. – 2009. – Vol. 103, no. 3. – P. 510–525. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0002930000019953>
3. Avery, S. T. Lake Turkana, Major Omo River Developments, Associated Hydrological Cycle Change and Consequent Lake Physical and Ecological Change / S. T. Avery, E. J. Tebbs // Journal of Great Lakes Research. – 2018. – Vol. 44, no. 6. – P. 1164–1182. – DOI: 10.1016/j.jglr.2018.08.014
4. Francioni, F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law / F. Francioni, F. Lenzerini // European Journal of International Law. – 2003. – Vol. 14, no. 4. – P. 619–651. – DOI: 10.1093/ejil/14.4.619
5. Gfeller, A. E. Anthropologizing and Indigenizing Heritage: The Origins of the UNSECO Global Strategy for a Representative, Balanced and Credible World Heritage List / A. E. Gfeller // Journal of Social Archaeology. – 2015. – Vol. 15, no. 3. – P. 366–386. – DOI: 10.1177/1469605315591398
6. King, L. M. Communicating the World Heritage Brand: Visitor Awareness of UNESCO's World Heritage Symbol and the Implications for Sites, Stakeholders and Sustainable Management / L. M. King, E. A. Halpenny // Journal of Sustainable Tourism. – 2014. – Vol. 22, no. 5. – P. 768–786. – DOI: 10.1080/09669582.2013.864660
7. Le Ang, P. B. Visitor Awareness of World Heritage Emblem in Developing Countries / P. B. Le Ang, T. L. Chen // Journal on Tourism & Sustainability. – 2020. – Vol. 4, no. 1. – P. 56–70.

8. Meskell, L. The Rush to Inscribe: Reflections on the 35th Session of the World Heritage Committee, UNESCO Paris, 2011 / L. Meskell // *Journal of Field Archaeology*. – 2012. – Vol. 37, no. 2. – P. 145–151. – DOI: 10.1179/0093469012Z.00000000014

9. Mitchell, R. B. What We Know (and Could Know) About International Environmental Agreements / R. B. Mitchell, L. B. Andonova, M. Axelrod [et al.] // *Global Environmental Politics*. – 2020. – Vol. 20, no. 1. – P. 103–121. – DOI: 10.1162/glep_a_00544

10. Rössler, M. Between Exclusion and Inclusion: On the Challenges Facing World Heritage Preservation Efforts // *Santander Art and Culture Law Review*. – 2017. – Vol. 2, no. 3. – P. 33–40. – DOI: <https://doi.org/10.4467/2450050XSNR.17.020.8421>

11. Slayter, R. O. The Origin and Development of the World Heritage Convention / R. O. Slayter // *Monumentum. The International Journal of Architectural Conservation. Special Issue*. – 1983. – Vol. 12, no. 3/4. – P. 3–16.

12. Stott, P. H. The World Heritage Convention and the National Park Service, 1962–1972 / P. H. Stott // *The George Wright Forum*. – 2011. – Vol. 28, no. 3. – P. 279–290.

13. The 1972 World Heritage Convention : a Commentary. 2nd ed. / ed. by F. Francioni, F. Lenzerini. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 458 p.

REFERENCES

1. Kolobov R. Yu. Vydayushchayasya universalnaya tsennost' ob'yektov vsemirnogo prirodnogo naslediya: problemy opredeleniya [Outstanding Universal Value of World Natural Heritage Sites: Definition Issues]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava*, 2023, no. 4, pp. 149–162. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.161.4.149-162

2. Affolder N.A. The Private Life of Environmental Treaties. *The American Journal of International Law*, 2009, vol. 103, no. 3, pp. 510–525. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0002930000019953>

3. Avery S.T., Tebbs E.J. Lake Turkana, Major Omo River Developments, Associated Hydrological Cycle Change and Consequent Lake Physical and Ecological Change. *Journal of Great Lakes Research*, 2018, vol. 44, no. 6, pp. 1164–1182. DOI: 10.1016/j.jglr.2018.08.014

4. Francioni F., Lenzerini F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law. *European Journal of International Law*, 2003, vol. 14, no. 4, pp. 619–651. DOI: 10.1093/ejil/14.4.619

5. Gfeller A.E. Anthropologizing and Indigenizing Heritage: The Origins of the UNSECO Global Strategy for a Representative, Balanced and Credible World Heritage List. *Journal of Social Archaeology*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 366–386. DOI: 10.1177/1469605315591398

6. King L.M., Halpenny E.A. Communicating the World Heritage Brand: Visitor Awareness of UNESCO's World Heritage Symbol and the Implications for Sites, Stakeholders and Sustainable Management. *Journal of Sustainable Tourism*, 2014, vol. 22, no. 5, pp. 768–786. DOI: 10.1080/09669582.2013.864660

7. Le Ang P.B., Chen T.L. Visitor Awareness of World Heritage Emblem in Developing Countries. *Journal on Tourism & Sustainability*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 56–70.

8. Meskell L. The Rush to Inscribe: Reflections on the 35th Session of the World Heritage Committee, UNESCO Paris, 2011. *Journal of Field Archaeology*, 2012, vol. 37, no. 2, pp. 145–151. DOI: 10.1179/0093469012Z.00000000014

9. Mitchell R.B., Andonova L.B., Axelrod M. et al. What We Know (and Could Know) About International Environmental Agreements. *Global Environmental Politics*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 103–121. DOI: 10.1162/glep_a_00544

10. Rössler M. Between Exclusion and Inclusion: On the Challenges Facing World Heritage Preservation Efforts. *Santander Art and Culture Law Review*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.4467/2450050XSNR.17.020.8421>

11. Slayter R.O. The Origin and Development of the World Heritage Convention. *Monumentum. The International Journal of Architectural Conservation, Special Issue*, 1983, vol. 12, no. 3/4, pp. 3–16.

12. Stott P.H. The World Heritage Convention and the National Park Service, 1962–1972. *The George Wright Forum*, 2011, vol. 28, no. 3, pp. 279–290.

13. Francioni F., Lenzerini F., eds. The 1972 World Heritage Convention: A Commentary. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 2023. 458 p.

Information About the Author

Roman Yu. Kolobov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Favorskogo St, 1, 664033 Irkutsk, Russian Federation, roman.kolobov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1488-7530>

Информация об авторе

Роман Юрьевич Колобов, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения РАН», ул. Фаворского, 1, 664033 г. Иркутск, Российская Федерация, roman.kolobov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1488-7530>